

шталлисты, естественно, не могутъ имѣть дѣла.

Рѣшеніе этого вопроса можетъ быть только одно: деньги нужно и можно дать только объединенію мелкихъ крестьянъ — кооперации. Только она можетъ наиболее целесообразно и плодотворно распредѣлять ихъ, дать имъ производительное назначеніе въ наиболее важной отрасли народнаго труда, гарантировать долгъ самымъ солиднымъ и надежнымъ обезпеченіемъ, создающимъ реальные цѣнности, организованнымъ трудомъ многомилліоннаго русскаго крестьянства.

Что это будетъ именно такъ, можно видѣть изъ того факта, что, когда зимой 1920 г. было вынесено рѣшеніе Верховнаго Совѣта о возобновленіи торговли съ Россіей черезъ кооперацию, въ правительственныхъ и финансовыхъ кругахъ Англии тотчасъ же былъ поставленъ на очередь вопросъ о финансированіи русской кооперации.

Въ нашей статьѣ мы по необходимости лишь бѣгло и

очень схематично могли намѣтить тѣ перспективы, которыя стоятъ въ близкомъ будущемъ передъ русской кооперацией. Эти перспективы могутъ показаться съ перваго взгляда слишкомъ широкими, значеніе кооперации въ будущей Россіи преувеличеннымъ, а нашъ прогнозъ продиктованнымъ кооперативной *mania grandiosa*. Но стоитъ только внимательнѣе вѣзмотрѣться и вдуматься въ затронутые нами вопросы, чтобы признать за ними большую важность и значительность.

Чтобы подчеркнуть эту значительность, мы позволимъ себѣ роскошь афоризма: если бы кооперативный принципъ не былъ открытъ раньше, то его нужно было бы выдумать для спасенія Россіи. Только на основаніи кооперативнаго принципа можетъ возстановиться и процвѣсти наше мелкое крестьянское хозяйство — основа русскаго народнаго хозяйства и экономическая опора будущей россійской демократической государственности.

Анатолій Байкаловъ.

ТОМАШЪ ГАРИКЪ МАСАРИКЪ.

Это было въ 1899 году.

Вся Прага взволнована и встревожена.

Пражскій судъ присяжныхъ бѣнесь наконецъ рѣшеніе по дѣлу, которое такъ интересовало всю Чехію. Молодой еврей, убившій христіанскую дѣвушку,

былъ признанъ виновнымъ въ ритуальномъ убійствѣ. Судъ присяжныхъ призналъ доказаннымъ, что убійство, совершенное незадолго до Пасхи, имѣло своей цѣлью пасхальный ритуаль.

И вся Прага, увлеченная по-

винистическимъ и человѣконена-
вистическимъ движеніемъ, ли-
ковала и апплодировала судъ-
ямъ. «Наконецъ — доказано». «Наконецъ легенда становится
фактомъ».

А пражская интеллигенція, съ
омерзѣніемъ и досадой прислу-
шивавшаяся къ бѣсповалимъ
улицы, не имѣла, не находила
въ себѣ достаточно силы и во-
ли, чтобы смѣло противопоста-
вить свое мнѣніе гнусному на-
вѣту.

И только одинъ человѣкъ, от-
нюдь не любимый, наоборотъ,
многими и многими гонимый за
искренность и независимость
своихъ мнѣній, — только одинъ
человѣкъ не побоялся правды.

Рѣзкой, смѣлой статьей, кото-
рую не хотѣли, которую боялись
печатать газеты, — онъ заклю-
чилъ этотъ приговоръ, какъ по-
стыдный, какъ подлый, какъ не-
достойный культурныхъ и че-
стныхъ людей. Онъ требовалъ
новаго суда. Угрожалъ, что онъ
порядъ лицомъ всего міра, оди-
нокій, но сильный своей прав-
дой, откроетъ всю низость про-
шешедшаго.

Онъ требовалъ новаго суда, и
онъ его добился.

И новый судъ присяжныхъ, —
присяженный и смущенный,
долженъ былъ признать: обви-
неніе въ ритуальности недока-
заннымъ, неословательнымъ и
неправильнымъ.

И тогда толпа всю свою нена-
висть, весь свой гнѣвъ, устро-
мила на того, кто осмѣлился

противорѣчить ея желаніямъ, ея
инстинктамъ.

И когда онъ проходилъ по ули-
цамъ Праги, прохаживъ съ нена-
вистью и злобою провожали его.
И даже въ университетѣ, гдѣ
былъ его оплотъ, гдѣ дружная
сосьма его учениковъ-студентовъ
непрежнему любила его, ему по-
клонялась, онъ подвергался
оскорбленію со стороны тѣхъ,
кто не могъ примириться съ его
силой и мужествомъ. А ночью,
пользуясь обычными и излюб-
ленными методами, враги его
били камнями оконныя стекла
его квартиры, желая подчерк-
нуть этимъ всю ненависть, всю
злобу, которую питаетъ будго
бы къ нему чешскій народъ.

И не разъ въ эти самые тяже-
лые и грустные въ его жизни
дни, передъ нимъ вставалъ во-
просъ — не уѣхать ли, не бро-
сить ли эту страну, въ которой
правда считается преступле-
ніемъ? Но минутная слабость
проходила, и снова передъ нимъ
становился императивъ: путемъ
долгой, упорной работы вести
народъ къ цѣли, завѣщанной
всѣмъ прошлымъ.

Этотъ человѣкъ, не боявъ-
шійся публичной правды, былъ
Томашъ Масарикъ. Не разъ до
того, и много разъ послѣ, при-
ходилось ему во имя правды
идти противъ настроенія боль-
шинства, подвергаясь за это
осужденію и преслѣдованію.

Еще раньше, въ 1886 году,
онъ вызвалъ недовольство ши-
рокихъ слоевъ чешской интел-

лигенціи и чешскаго народа своєю борьбой противъ «рукописей». Эта исторія интересна и показательна. Притѣсенная австрійцами, лишенная правъ на самостоятельность, упорно германизируемая Чехія, въ лицѣ своихъ патріотовъ, тщательно собираетъ свои національныя цѣнности. Изслѣдуя свое историческое прошлое, желаетъ найти въ немъ элементы, способствующіе усиленію національной гордости, національнаго чувства. Увлеченный этими господствующими настроеніями, Гапка, писатель и профессоръ, создаетъ ложныя рукописи, которыя въ искаженномъ и неправильномъ видѣ, въ тонахъ прикрашенныхъ изображаютъ древне-чешскую исторію, и представляютъ историческими личностями легендарныхъ Любушу и Ярославъ. Эти рукописи, имѣ же будто бы открытыя при раскопкахъ въ Карловомъ Дворѣ и Зеленой Горѣ, были приняты всѣмъ народомъ съ энтузіазмомъ, безъ долгихъ сомнѣній, безъ колебаній, ибо содержаніе ихъ отвѣчало желаніямъ чешскихъ массъ....

И Масарикъ, усомнившись въ ихъ подлинности, пашель смѣлость признать ложными эти рукописи, поведя совместно съ профессоромъ Гсбауеромъ борьбу за научную истину.

«На лжи польза строить исторію народа, и на лжи меньше чѣмъ на чемъ либо другомъ, слѣдуетъ воспитывать народъ».

Въ продолженіе десятилѣтій Масарикъ упорно и систематически работалъ со своимъ народомъ, надъ своимъ народомъ. Одну за другой разбивалъ его иллюзіи, во имя и ради «крѣпкаго духа, твердости души».

Славянофильство, столь дорогое и любезное сердцу многихъ чеховъ, встрѣтило въ немъ рѣзкаго критика, суроваго и жестокаго.

«Путь Россіи — не нашъ путь. И мы давно прошли періодъ, нынѣходимый Россіей».

«Вы строите — обращается онъ къ славянофильствующимъ и руссофильствующимъ чехамъ, — ваши теоріи и идеи на песокъ, ибо надежды ваши возлагаете на русскаго царя. Вы вѣрите въ его силу и мощность, а не видите всю гнилость и дряхлость русскаго самодержавія. Не на царя русскаго уповайте, а на русскій народъ»...

***

И на мѣсто иллюзіи, на мѣсто романтическихъ мечтаній чешскихъ политиковъ прошлаго столѣтія — Масарикъ утверждаетъ критику разума, холодный анализъ событій — реализмъ, какъ основу національнаго возрожденія, реализмъ, какъ философію. Но, утверждая торжество разума, пропагандируя верховенство разума во всѣхъ сторонахъ современной политической и общественной жизни, онъ оставался въ то же время ре-

листомъ особеннымъ, тѣмъ реалистомъ, подѣ понятіе о которомъ лучше всего и правильнѣе можно подвести современнаго чеха-интеллигента.

Всякій чехъ, и интеллигентъ быть можетъ болѣе рабочаго или крестьянина, реалистъ. Реалистъ въ жизни своей, реалистъ въ своихъ міровоззрѣніяхъ. Но реализмъ чеха не чуждъ мистицизму. Гдѣ-то глубоко, въ подплекѣ своей, современныи чехъ тяготѣетъ къ Яну Гусу, къ чешскимъ Братьямъ, тяготеетъ холодною своихъ разсужденій, ищетъ выхода изъ крѣпкихъ путей логики и заколдованнаго круга, очерченнаго элементарной арифметической формулой «дважды два — четыре».

Принявъ Европу, впитавъ въ себя принципы современнаго уклада жизни и умозрѣнія европейца, чехъ остался въ глубинѣ своей души славяниномъ. Съ его идеализмомъ, зачастую беспочвеннымъ, съ его мистицизмомъ. Европу чехъ принялъ какъ методъ жизни, какъ механику, необходимую для повседневности, для организаціонной повседневности, которая творить «сегодня и завтра», которая творить «культуру внѣшней цивилизаціи», которая есть залогъ и базисъ современной Европы.

И, покорившись наружно этому европейскому разуму, чехъ остался сторонникомъ интимнѣйшимъ и неразрывнымъ «чув-

ства», его адептомъ, его поклонникомъ.

***

Томашъ Масарикъ, нынѣ Президентъ Чехословацкой Республики, крупный философъ и историкъ, — сынъ крестьянина, сельскаго батрака, кучера. Все дѣтство и вся юность его связаны съ крестьянскими настроеніями, съ крестьянской жизнью чехословацкаго народа. Онъ исполнилъ и безспорно сынъ своего народа, и черты, заложенныя въ послѣднемъ, только болѣе ярко и болѣе глубоко отразились въ немъ... И знакомство съ Масарикомъ больше всего и полнѣе всего знакомитъ насъ съ чехословацкимъ народомъ.

Масарикъ — реалистъ. Такъ называетъ онъ себя. Такъ называютъ себя его ученики и послѣдователи. Такъ называется политическая партія, лидеромъ которой онъ былъ. Реализмъ. И однако, историкъ-исслѣдователь Чехин, французъ Эрнестъ Дени, не находятъ другого опредѣленія, другого наименованія для Масарика, какъ «мистикъ», какъ «человѣкъ склонный и близкій къ мистицизму».

И изученіе Масарика, его сочиненій, рѣчей, его многочисленныхъ книгъ, убѣждаетъ въ томъ, что есть доля правды, и притомъ большая доля правды — въ словахъ французскаго историка. И реализмъ Масарика особенный. А разсудочность его

— кажущаяся, надуманная, я бы сказалъ «фанатичная». Это не есть разсудочность отъ холода природы, отъ спокойствія. Нѣтъ. Разумъ принять имъ какъ единственное средство одолѣть «великое чувство», «великую мятежность».

***

«Кто спасъ міръ» — спрашиваетъ Масарикъ въ своемъ сочиненіи, посвященномъ самоубійству. Это не былъ ни политикъ, ни экономистъ, ни социалистъ, ни демагогъ. И поистинѣ грандіозно видѣть Христа въ эту эпоху, столь полную волненій, удаленнымъ отъ всякой политики, и это въ то время, когда ему было бы такъ легко покорить сердца людей политическими манифестациями. Но чего Онъ требовалъ? Чего Онъ хотѣлъ? Онъ хотѣлъ, чтобы человѣкъ сталъ хорошимъ — добрымъ.

И ученіе Христа сказывается и проявляется во всемъ, что говоритъ Масарикъ. Вѣра въ правду, въ необходимость неотложную и первостепенную реформировать, усовершенствовать человѣка, созданнаго по образу и подобию Божію, сдѣлать этого человѣка Богочеловѣкомъ — таковъ базисъ, подоплечная сущность масариковскаго реализма.

Любовь къ Богу, исканіе вѣчной правды, зовъ на служеніе человѣчеству, и наряду съ этимъ холодная разсудочность, требованіе систематической, упорной, повседневной работы, и насмѣш-

ливое, ироническое отношеніе къ широкимъ настроеніямъ славыянства, къ его безпочвеннымъ увлеченіямъ».

И чѣмъ ближе и больше знакомишься съ Масарикомъ, тѣмъ болѣе и болѣе поражаетъ эта его своеобразная и удивительнѣйшая двойственность:

«Ни Контъ — ни Достоевскій».

«Ни Юмъ — ни позитивизмъ».

«Ни Маркъсъ — ни идеализмъ».

Такъ любитъ повторять Масарикъ, и однако — столь причудливѣйшимъ образомъ смѣшаны въ немъ и Достоевскій и Маркъсъ, и Контъ и Юмъ. Востокъ и Западъ.

***

Словацкій мужикъ, отъ народа своего впитавшій великій его идеализмъ, ту вѣру въ правду, ту вѣру въ необходимость и жестокость ея всемірной реализаціи, выразителемъ которой были Янъ Гусъ и Чешскіе Братья. Вѣдь зовомъ къ правдѣ, зовомъ къ Перво-Христу, протестомъ противъ лжи католичества, противъ искаженій правды Божеской — было гуситское движеніе. И задавленное католичествомъ, внѣшнѣ похороненное, оно осталось жить въ душѣ чешскаго народа. И это ихъ святое святыхъ. Это ихъ вторая душа, настоящая, полуприкрытая. И это вліяніе Яна Гуса, — это преломленіе Гуса въ Масарикѣ, — сказывается въ каждомъ словѣ его, въ каждой строкѣ, имъ написанной.

Отсюда, отъ истоковъ гусизма, — отъ Вифлеемской пражской церкви, куда стекались шестьсотъ лѣтъ тому назадъ ищущіе правды чехи, — отсюда проистекаетъ и вѣра масариковская въ правду, въ торжество ея, въ «человѣка», въ «Христа».

И сила Масарика не въ его разсудочности, не въ томъ, что холодному анализу подвергъ онъ свое міровоззрѣніе и свою тоску, не въ его европеизмѣ и реализмѣ, а въ томъ, что отражаетъ онъ «чувство» Яна Гуса, тягу его къ правдѣ.

***

Почему любите вы Масарика? — спрашиваю я простыхъ чешскихъ крестьянъ, сѣрыхъ и невзрачныхъ, живущихъ въ городахъ.

«Масарикъ правдивый человекъ. За правду онъ борется. Любить его. Онъ нашъ. Нашъ батюшка. Мы вѣримъ ему».

И они вѣрятъ ему такъ же,

какъ вѣрили ихъ предки Яну Гусу, и идутъ за нимъ также, какъ шли тѣ за Гусомъ. И въ ихъ понятіи, въ ихъ представленіи, кажется Масарикъ — не философомъ, не ученымъ и не президентомъ Республики, а пастыремъ, вождемъ, быть можетъ пророкомъ чехословацкаго народа, пророкомъ, который болѣе удачно выведетъ ихъ на путь «правды и любви», на который не удалось вывести ихъ предковъ Яну Гусу.

И не случайность, а исторически продиктованная необходимость была въ томъ, что именно Масарикъ 6-го іюля 1915 года, — въ пятисотлѣтіе сожженія Яна Гуса, — провозгласилъ передъ его статуей и именемъ его независимость Чехіи. И было въ этомъ менѣе всего разсудочности и менѣе всего отъ Европы, а было это торжествомъ мистическимъ, пророчествомъ, преисполненнымъ вѣрой въ торжество правды.

Борисъ Соколовъ.